

ГРИГОРИЙ КРУЖКОВ

пастушья
сумка

Григорий Михайлович Кружков

Пастушья сумка (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43154815

Пастушья сумка. Стихи: Прогресс-Традиция; М.; 2019

ISBN 978-5-89826-566-3

Аннотация

В книгу «Пастушья сумка» вошли избранные стихотворения – от ранних опытов до последних сборников и журнальных публикаций; но с наибольшей полнотой представлены стихи, написанные после 1997 года. Стихи Г. Кружкова, по своей сути, поэтический дневник, в который органически входит перекличка с поэтами разных стран и эпох, а традиционная лирика сочетается с хладнокровным абсурдом. Кружков известен также как переводчик и филолог, работавший с необычайно широким кругом авторов – от Шекспира и Донна до Кэрролла и Эдварда Лира. Он почетный доктор литературы Дублинского университета, лауреат многих премий: Государственной премии РФ, премии «Anthologia» журнала «Новый мир», Волошинской, Бунинской и др.

Содержание

Луч дороги	7
Чудесное со мной	7
Большой разлив у Серпухова	9
Цыганка	11
Кенгуру	14
Левша	16
Вдоль опушки[1]	17
Попутчица	19
Костер	20
Над озером	22
Нищий	25
На берегах реки Увы	26
У моря	26
Крымская бабочка	27
Памятник	30
Возлюбленные поэтов	32
1. Расставание	32
2. Спящая	33
3. Танцующая девушка	35
«Если сон ...»	37
Дерево Перебора	38
Начало романа	40
REPUBLIQUE DE OUYA POSTE AERIENNE	42

Подвиг умеренности	45
Строфы о Тантале	46
Тень	47
Скамья в Тригорском	49
«Все то, что мы выдыхаем в холодный день...»	49
«Я буду помнить тебя и в марсианском плену...»	51
Новый заезд	52
Тотнесская крепость	53
Песня о несчастной королеве Анне Болейн и ее верном рыцаре Томасе Уайте	55
Подражание В. Набокову	57
Строки, написанные в Фолджеровской библиотеке в Вашингтоне	59
Уолтер Рэли в темнице	62
Жизнь открывается снова	64
Сон, записанный на обороте	66
Песня межевого камня	69
Привязка к местности	72
Незадача с одним неизвестным	75
Бумеранг	77
Банька в Михайловском	79
Скамья в Тригорском	81
Назвался Одиссеем	83
Из Джона Донна	83

Назвался Одиссеем...
Конец ознакомительного фрагмента.

85

86

Григорий Кружков

Пастушья сумка. Стихи

© Кружков Г.М., 2019

© Орлова И.В., оформление, 2019

© «Прогресс-Традиция», 2019

Луч дороги (1965–1979)

Чудесное со мной

Чудесное со мной не происходит.
Как будто зареклось происходить.
Как будто крест поставило на мне
Чудесное. И вот что я придумал.

Надел резиновые сапоги,
В карман плаща два яблока засунул,
Купил журнал «Умелый пчеловод»
И в поезд сел до станции Голутвин.

И через полчаса произошло
Со мной чудесное. Ко мне подседа
Блондинка девушка в плаще с болонкой
И съела оба яблока моих.

Потом она на время попросила
Журнал «Умелый пчеловод», чтоб дома
Его прочесть спокойно под торшером,
Поскольку увлекалася сама

Парашютизмом. Телефон дала мне,
Чтоб я звонил ей, как найдет охота.
Потом вошли Четыре Контролера
И попросили показать билет.

Я показать билет им отказался
Категорически. За что меня
Они по всем вагонам провели
И девушкой-блондинкой попрекали.

Вот почему с тех пор я знаю точно:
Чудесное со мной не происходит.
А если происходит иногда,
Кончается необычайно глупо.

Большой разлив у Серпухова

Казалось, что трубу прорвало в бане!
Автобус по дороге насыпной
Скользил канатоходцем над водой,
Внизу, меж телеграфными столбами,
Как невода, плескались провода.
Не снова ли, как в давние года,
Потоп всемирный? Дело было темным.
И старожилы говорили: «М-да,
Такого половодья не упомним».

А Серпухов гудел как балаган,
Играли лужи в море-океан,
Бабули в них искали ходу-броду...
А тракторист орлом врезался в воду! –
Летели брызги что лебяжий пух,
Шел пар от стен, и теплый банный дух
Мешался с острым запахом апреля.
Загадывал хотение Емеля
И зажмурял глаза – считал до двух.

Но щекоталось! Право, невдомек –
Что там такое? Думать было впору,
Что по щеке нахальный паучок
Прогуливался, как по косогору,
И золотую пряжу из брюшка

Вытягивал, как фокус из мешка,
Ошеломляя блеском, – и в зените
Соединясь, пульсировали нити,
От век прозрачных лишь на полвершка!

Нашатыря чудовищные дозы
Шибали в нос, но не могли уже
Волшебной отворотить метаморфозы:
Окно в полуподвальном этаже
Открылось (словно высохшие слезы –
Потеки и разводы на стекле),
И старикашка Ной, педант сердитый,
Наружу глянул, бледный и небритый,
И вглубь отпрянул, и исчез во мгле.

Все по велению щучьему сбывалось,
Мелькало и смеялось, и свивалось
В орнаменте облезлом и цветном,
Грязно-зеленом, розовом и пегом;
И голуби кружили над ковчегом,
Над юным, самодельным кораблем –
И не прельщались бездной, над которой
Плескалось солнце рыбой красноперой
В аквариуме светло-голубом.

Цыганка

С теплом не успели проститься,
И вот уже лету – каюк.
Студент потянулся в столицу,
Цыгане подались на юг.

Идет электричка до Тулы,
Холодный туман за окном.
Ну ладно, доедем дотуда.
А может, и дальше махнем?

Цыганка, смоленные очи,
Свободы упрямая дочь!
Другим ворожи, коли хочешь,
Но мне головы не морочь...

С годами твой взгляд все недужней,
Рассказ еще больше нелеп,
Невнятной еще и натужней
Идет предсказанье судеб.

Печальней еще и ненужней
Звучит обновленный прогноз:
Сулишь повышение по службе...
Но это же все не всерьез!

Идет электричка до Тулы.
Контроль пошумел – без вреда.
Ну ладно, доедем дотуда:
А там, а оттуда – куда?

Беспомощен путь твой, сивилла,
Убога дорожная снедь.
Цыганка, скажи, ты любила?
Наверно ж любила – ответь.

Кого? Офицера иль вора?
...Не слушает, не говорит.
И черный рассеянный ворон
Над рощей осенней парит.

Парит неподвижно, похожий
На масти трефовой туза...
Ты что же, сестрица, ты что же
Отводишь и прячешь глаза?

Ах, бросить, уйти, в самом деле,
Сиротством тоску утоля!
Мне тоже – вот так! – надоели
Дождливые эти поля.

Уедем, уедем, уедем,
К днестровским уйдем берегам –
Ходить по базарам с медведем,
Курей воровать по дворам.

И снова – верста за верстою –
Такое поищем житье,
Где солнце затмит пестротою
Цыганское платье твое.

Ах, дальше от осени хилой,
От края простуд и могил,
Где ты никогда не любила,
Где я никогда не любил.

Кенгуру

Когда первые европейцы ступили на австралийский берег, они увидели там странное животное и спросили у местных: «Как называется это странное животное?» На что местные, естественно, ответили: «Кенгуру», т. е. по-австралийски: «Не понимаем вас».

Факт

...И побрел он в тоске и в тумане,
И очнулся на тех берегах,
Где скакали безрогие лани
Почему-то на задних ногах.

«Это что же, друзья-иноземцы?
Объясните мне эту муру!»
И ему отвечали туземцы:
«Извините, мы вас кенгуру».

«Но тогда почему же при этом...
Почему, почему, почему?..»
«Кенгуру», – ему было ответом,
«Кенгуру», – объяснили ему.

Он потрянул головою, подумал:
«Может быть, я в тифозном жару?»

Что не спросишь у них – кенгуру, мол,
Отвечают на все: «Кенгуру».

И тогда он достал кошелечек,
Из того кошелечка – листок,
И свернул его ловко в кулечек,
И стряхнул сигарету в кулек.

И скакали безрогие лани,
Неизвестной свободы ища.
Терпеливые островитяне
Обступали его, вереща.

И стоял он в тоске и в печали
На великом вселенском ветру,
И туземцы ему отвечали:
«Кенгуру, кенгуру, кенгуру».

Левша

Левша сковал гвоздочки для подковок
Игрушке царской – аглицкой блохе.
Конечно, был он преизрядно ловок,
Но посвятил усилья чепухе.

Дается ж людям бесполезный дар!
Иной искусник не такое может:
Из маковинки сделает футляр
И внутрь пылинку-скрипочку положит.

Бес, не иначе, помогает им,
Чтоб искусить сопоставленьем ложным,
И делается малое – большим,
Великое становится возможным.

А все масштаб. Подумай: я и ты –
Из космоса, – и даже с самолета.
На нашу жизнь посмотришь с высоты –
Какая ювелирная работа!

Вдоль опушки¹

Бредут вдоль опушки коровы,
Спокойны и благообразны.
Они как невесты Христовы,
Отвергшие мира соблазны.
Дождь мочит, палит ли их зноем –
Их туши объяты покоем,
Гуртом ли их гонят иль строим,
Куда? – да не все ли равно им?

Объяты их грузные туши
Покоем; их зыбкие души
Под синюю тучкой осенней
Витают, как пряжа паучья
По воздуху – или созвучья
Есенинских стихотворений.

Бредут вдоль опушки коровы,
К вечерней привыкшие дойке.
Шагает за ними суровый
Пастух в сапогах и ковбойке.
Забыв свой характер бодучий,

¹ В древнеиндийской поэзии «корова» отождествляется со священной речью, с поэзией. В гимнах «Ригведы» «трижды семь коров источают речь-молоко», «великое слово зародилось в следе коровы», и проч. Но всё это я узнал много позже.

Бредут под осеннею тучей,
Темнеющей медленно тучей,
Стихи сочиняя на случай.
Какой такой, в сущности, случай?

1970

Попутчица

Два дрогнувших, два мягких лепестка
Девичьих губ в морщинках нежной зыби.
Как будто отогнулся край цветка
Созревшего – и смялся на изгибе.

Узнав, я принимаю до конца
Твой каждый лепет, каждую причуду:
Ты – белый ствол, сережки да пыльца.
Я много раз встречал тебя повсюду.

В июльский зной, сомлев от комарья,
Невежей стоя в облаке соцветий,
На прутиках каких-то трогал я
Волокна, шелковистые, как эти.

Бояться ли каких-то адских мук?
А жизнь отдав, идти ли на попятный? –
Когда за насыпью искрится луг
И мечет нам в окно лучи и пятна,

Когда в купе такие сквозняки,
Что можно, даже сердцем не рискуя,
Нажав свободно, эти лепестки,
Как львиный зев, раскрыть для поцелуя.

Костер

Тяжелого состава гул.
Платформа. Переезд.
Шлагбаум, падая, блеснул,
Как штык наперевес.

Шуршат обходчика шаги
По щебню пустыря,
И прыгает вокруг ноги
Пятно от фонаря.

Безлюдье. Рельсов лунный лед.
И ветер вдоль путей.
И вновь остуда продерет
До дрожи, до костей.

Сквозь прежний пыл и прежний страх
Увижу я, застыв,
Как женщина стоит впотьмах,
Лицо отворотив.

Ее платок заиндевел,
И я не знал, как жить,
И ничего-то не умел
Спасти и изменить...

Шел снег. И прежде, чем уйти,
Решила ты в уме,
Что милосердья не найти
На всей земле-зиме.

Ах, как потом в слезах трясло,
Как худо без угла.
А людям надо лишь тепло.
А где достать тепла?

Такой мороз в ту ночь пылал,
Такой был лютый час,
Что и костер не согревал,
А только мучил нас.

Тянуло жаром от огня –
И стужей – со спины.
Затем так руки холодны,
Глаза опалены.

Над озером

Ну полно, Аленка! Устал я кричать и аукать.
Спустилося солнце за старые ели,
И в той стороне
Стало небо совсем полосатым,
И перед закатом
Нагретые волны сильней заблестели.

Вечерняя птица
Из зарослей шумно вспорхнула.
«Она утонула!
Сестрица твоя утонула!» –
Мне крикнула птица – и озеро перепорхнула
В три взмаха скользящих
И снова пропала
В кустах краснотала,
В дрожащей листве краснотала.

Аленка, ну выйди же!
Страшны мне эти загадки.
Вот тоже затеяла прятки!
Но ветер подул, и деревья в лесу зашумели:
«Вот здесь, в этой теплой купели
Найдешь ты ее –
В этой теплой и чистой купели».

Так значит...

Так значит, тебя эта заводь зеленая прячет!

Баюкает мглой, тишиною звенит, как в колодце...

И черный сомище

У ног твоих вьется,

Трава по рукам оплетает...

Ключи, пробиваясь со дна, все бормочут, щекочут,

Холодной волною глаза размывают,

Холодной, подводной волною глаза размывают.

Очнись же, Аленка!

Скорее от мест этих злых откочуем!

Село недалеко,

Успеем до ночи, а нет – так в стogu заночуем.

Всегда тебя слушаться стану,

Теперь – без обману,

А как набредем на малину,

То сам буду первый делиться.

В грозу на дороге,

Зимой без костра в холодину,

И что ни случится,

И мерзнуть, и мокнуть – не в горе! –

И пить из копытца –

Но не разлучаться,

Но не расставаться с тобою!

...Уже засыпают кувшинки,

И только, как стрелки,

Как маленькие пружинки,
По светлой воде
Все скользят и скользят водомерки...
(Песок остывает,
Осоку знобит у обрыва...)
Но сумерки медлят,
Не гаснет вода,

И прозрачное небо не меркнет,
По светлой по сонной воде
Скользят водомерки...
(Куда я пойду?)
Скользят и скользят торопливо...

Нищий

Стонут мои ноги, еле ходят,
И глаза мои болят, гноятся.
Добрые-то люди стороной обходят,
Доброты своей, видать, боятся.

Сгорбленная подошла старушка,
Желтыми глазами смотрит, плачет.
– Пойдем со мной, – говорит, – дедко.
– Куда это? – Беру тебя, значит.

– Со старостью ли берешь меня, бабка?
– Ой, со старостью, горе мое, горе!
– С хворью ли берешь меня, бабка?
– Ой, и с хворью, милый, со всей хворью.

Так идем под солнышком майским,
По дороге разговор говорим.
– Скоро ли дойдем, бабка?
– А и вскорем, – говорит, – милый, вскорем.

На берегах реки Увы (1976–1989)

У моря

Дочка на пляже отца зарывает в песок,
Зыбко и смутно ему, словно семени в грядке;
Что-то лепечет лукавый над ним голосок,
Смугло мелькают лодыжки, ладошки, лопатки.

Веки смежил он и в небо глядит сквозь прищур,
Пятки вперед протянул – фараон фараоном.
Девочка, став на колени, как жрица Хетсур,
Руки к нему простирает с глубоким поклоном.

Мечет в них дроты свои обжигающий Ра;
Тысячи лет не кончается эта игра.
Вот пододвинулась туча, и тень задрожала...
Где ж тонкорукая?

Краба смотреть убежала.

Крымская бабочка

У вечности всегда сухой закон.
Но каплет, каплет жизни самогон,
Переполняя пифосы и фляги.
И – времени послушные воли –
Вытягивают на берег валы
Тяжелые возы горчащей влаги.

Не трезв, не пьян, брожу я целый день.
Тень-тень, мне каплет на уши, тень-тень.
А за холмом прибрежным, в травном зное,
Мне бабочка ударилась в лицо:
Да это же, ей-богу, письмоце
С оказией!.. А вот еще другое!

Замри, я говорю, замри, присядь!
Дай мне судеб известье прочитать,
Куда ты снова ускользаешь к шуту?
Чего ты хочешь, не понять никак:
То вверх, то вниз крылом, то так, то сяк,
И тыща перемен в одну минуту.

Так кто из нас хлебнул: я или ты?
Помедли, воплощенье суеты,
Не мельтеши, дай разобрать хоть строчку, –
Пока шуршит маслина на ветру

И за пригорком – к худу ли, к добру –
Прибой на нас с тобою катит бочку.

Не трепещи: ведь я тебя не съем.
Не торопись к татарнику в гарем
Мелькать в кругу муслиновых созданий.
О Мнемозина! восемнадцать лет
Тому назад ты родилась на свет:
Прекрасный возраст для воспоминаний!

Они мелькают, вьются... Как тут быть?
Чтоб их понять, их надобно убить!
Но чем злодействовать, не лучше ль выпить?
Ого! какой сверкающий глоток:
В нем Иппокрены жгучий холодок,
И страшный Стикс, и будничная Припятъ.

Да, нас поила общая струя,
Я бражник твой, капуста моя,
И капля есть еще в кувшине нашем.
Пусть нам Хайям на дудке подсвистит
И подбренчит на арфе царь Давид –
Давай кадрили несбывшегося спляшем!

Закружимся над солнечной горой,
Где вьется мотыльков беспечный рой,
Над серою иглою обелиска,
Над парочкой, уснувшей под кустом,
Над грузовым, грохочущим мостом,

Над Самаркандом и над Сан-Франциско;

Закружимся над мертвенной луной
(Ее обратной, скрытой стороной),
Над горсткой угольков в крошечной яме,
Над догмами, над домиком в Москве,
Где русский йог стоит на голове
И смотрит в вечность трезвыми глазами.

Памятник

Я оглянулся и увидел вдруг:
Все люди заняты одним и тем же –
Выделываньем мыльных пузырей.
У каждого прохожего – тростинка,
В которую он дует, отстранясь
От суматохи уличной и локоть
Ревниво оттопыря. Пузыри
Срываются, толкаются, танцуют
И, разлетаясь, наполняют воздух
Неслышным звоном. Этих тянет вдаль,
А тех к земле. (Бывают и такие,
Что могут ногу отдавить, как гирия!)
Иные – не легки, не тяжелы –
В срединном воздухе, роясь, толкуются
Среди себе подобных пузырьков.

А если глянуть сверху – жизнь кипит
И пенится как чаша!

«Мир – пузырь», –
Сказал философ Бэкон. Кто-то там
В незримую соломинку, незримый,
Усердно дует. Для чего все шире
И все опасней раздвигает он
Мерцающую сферу? Зря смеются

Над комиксами. Этих человечков
С растянутыми пузырьками реплик,
Прилепленных ко рту, мне жаль. Слова
Бессмысленны – но выдыханье уст,
В которое они заключены,
Священной фараонова картуша.

И если ставить памятник поэту,
То, верно, не с пергаментом в руках,
Как у того, кто ночью из друкарни
Бежал от разъяренных москвичей,
Чтоб сеять, где подальше, не со шляпой,
Не с шашкой и не с гаечным ключом,
А с бронзовой тростинкою у губ,
С надутыми щеками, и пускай
Стоял бы он в углу, как виноватый,
Отворотясь от улицы, а рядом
Лежал десяток мыльных пузырей,
Составленных, как ядра, в пирамиду.

И непременно чтоб неподалеку
Поилка с газированной водой...

Возлюбленные поэтов

1. Расставание

Illumina tenebras nostra Domina²

«Приди, Мадонна, озари мой мрак!»
Влюбленных красноречье беспощадно.
Она, как лист, дрожит в его руках,
Как губка, клятвы впитывает жадно.

А Донну дорог лишь разлуки миг –
Тот миг, что рассекает мир подобно
Ланцету: он любимый видит лик
Сквозь линзу слез – так близко и подробно.

Он разжимает, как Лаокоон,
Тиски любви, узлы тоски сплетенной:
И сыплются в расщелину времен
Гробы и троны, арки и колонны.

И целый миг, угрюмо отстранен,
Перед находом риторского ража

² «Озари нашу тьму, Госпожа» (*лат.*) – надпись на портрете Джона Донна в образе влюбленного, погруженного в сумрак меланхолии.

Он, как сомнамбула иль астроном,
Не может оторваться от пейзажа

Планеты бледной. Он в уме чертит
План проповеди: «О, молчи, ни вздоха;
Не плачь – не смей!» – Увы, он не шадит
В ней слабости... А между тем дуреха

Глядит, глядит, не понимая слов,
Как будто в зеркало волны глядится,
И растворяется, как бред веков,
В струях его печальных валедикций...

2. Спящая

The blisses of her dream so pure and deep.
John Keats

Во сне она так безмятежна! Будто
Там, в этом сне, поверила кому-то,
Что будет мир ее красой спасен.
Отвеяна от ложа скорбь и смута,
Покоем и лавандой пахнет сон.

Во сне она так беззащитна! Точно
Лесной зверек бездомный, в час полночный
Уснувший на поляне в темноте, –

Или птенец на веточке непрочной
В дырявом можжевелевом кусте.

Не просыпайся! Этот сон глубокий
Покрыл все недомолвки и упреки,
Как снег апрельский – слякотную муть;
Ты спишь – и спит дракон тысячеокий
Дневных забот. Как ровно дышит грудь

Под кисеей! Не все ль теперь едино –
Назвать тебя Психеей, Маделиной
Или соседкой милой? – Все равно;
Когда ты – луч, струящийся в окно,
И неумолчный шелест тополиный.

Пусть блики от витражного окна
В цвет крови или красного вина
С размаху мне забрызгают рубаху, –
Но этот воздух не подвластен страху,
И пурпура сильнее голубизна.

Позволь и мне с тобою затвориться
В сон переливчатый, как перловица:
Не смерть в нем, а избыток бытия.
Не бойся! Спи, жемчужина моя,
Нам этот сон уже навеки снится.

3. Танцующая девушка

How can we know the dancer from the dance?
W.B. Yeats

Трещит цивилизации уклад,
Куда ни глянешь – трещины и щели;
Меж строчек новостей клубится ад,
И сами буквы будто озверели.
А ты танцуешь, убегая в сад,
Под музыку невидимой свирели.

Дракон, чтоб укусить себя за хвост,
Взметаёт пыль нелепыми прыжками;
Герои выбегают на помост,
Кривляются и дрыгают ногами.
А ты, как этот купол, полный звезд,
Кружишься – и колеблешься, как пламя.

Я помню ночь... Не ты ль меня во тьму
Вела плясать на берег, в полнолунье?
Не ты ль меня, к восторгу моему,
Безумила, жестокая плясунья?
Твоих даров тяжелую суму
Снесет ли память, старая горбунья?

О скорбь моя таинственная! Столь

Беспечная и ветреная с виду!
Какую затанцовываешь боль?
Какую ты беду или обиду
Руками хочешь развести? Позволь,
К тебе на помощь я уже не выйду.

Ты и сама управишься. Пляши,
Как пляшет семечко ольхи в полете!
Я буду лишь смотреть, как хороши
Движенья бедер в быстром развороте.
Что зренье? – осязание души,
А осязанье – это зренье плоти,

Подслеповатой к старости. Пока
Ты пляшешь, – как плясала без покрыва
Перед очами дряхлого царька
Дщерь Иудеи, – я утешен снова:
Ведь танец твой, по мненью Дурака,
С лихвою стоит головы Святого.

«Если сон ...»

Если сон –
подобие смерти
значит
пробужденье – рожденье
а мое беззаботное утро
воспоминанье
о радостном детстве
Я бываю самым собою
лишь одно мгновение в сутки
с каждым днем
оно наступает
на четыре секунды позже
Вечерами –
о, вечерами
на тебя я гляжу все печальней
словно чую
смерть моя близко
Приходи же с дарами святыми
с утешающим
тихим словом
дай мне губ твоих
причаститься
в них надежда
на воскрешенье

Дерево Перебора

...А это значит, что решив и выбрав,
Ты перед выбором предстанешь снова
И потому на много тонких фибров
Ветвится ствол желания любого.

Нет, ты не пыль в стихийном произволе,
Ты сознаешь, что средь густого бора
Случайностей есть Дерево Перебора,
В котором – торжество свободной воли.

Оно же, впрочем, Дерево Униженья
Свободной Воли, ибо так и этак
Твое желанье терпит поражение
На каждом перепутье гибких веток.

Так или этак – лучшей половины
Лишается, стезю свою сужая,
И каждый миг, как язычок змеиный,
Раздвоенностью безысходной жалит.

О, если бы не мыслию растечься –
Не только мыслью, волком или птицей, –
Всею полнотою жизни человеческой,
Все дрожью жил совпасть и наложиться,

Чтоб испытать все то, что недоступно,
Недостижимо, чуждо, незаконно,
Изведать все развилки, сучья, дупла
И все плоды вкусить от этой кроны!

Есть сладкая в Эдеме сикомора,
Есть темный кедр над пропастью Эрева.
Но только это Древо Перебора
И есть познанья истинное Древо.

Начало романа

В необъятной стране за могучей рекой,
Где шесть месяцев падает снег,
Жил один маслосмазочный и прицеппной,
Крупноблочный, пропиточный и тормозной,
Противозамерзающий и выносной,
Сверхурочный один человек.

Жил он с личной своей многожильной женой,
Очень ноской, нервущейся и раздвижной,
Гарантийно-ремонтной и чисто льняной,
Не снимаемой без пассатиж;
И однажды родился у них нарезной,
Безбилетный, сверхплановый и скоростной,
Акустический и полупереносной,
Двухпрограммный печальный малыш.

Над его головой не светила звезда,
Осеньяло его только знамя труда,
И шумели отравленные провода,
И шуршала над крышей его лебеда,
И стучал по ушам барабан.

Он учился прилежно – скользить и сквозить,
Коли надо – и мордой об стол тормозить...
Если это начало, позвольте спросить:

Чем же кончится этот роман?

REPUBLIQUE DE OUVA POSTE AERIENNE

Он мне достался, как счастливый сон!
Подарок дружественной нам вдовы,
Был с дачи, из-под Клина, привезен
Альбомчик старый с марками Увы.

Я ничего не ведал об Уве,
Я марки взял в постель – и перед сном
Смотрел на профиль горный в синеве
И самолетик с точкой под крылом.

И вдруг увидел: точечка растет,
Растет – и превратилась в парашют!..
И вот уже на землю стал пилот,
И отстегнулся, и, достав лоскут

Из куртки, вытер с подбородка грязь.
Вокруг дымилась жухлая трава.
Он оглядел пейзаж не торопясь
И мне сказал: «Республика Ува

Лежит на берегах реки Увы,
Которая, увы, давно мертва,
И нет там ни халвы, ни пахлавы,

Ни славы, ни любви, ни божества.

Ни ярко разрисованных цветов,
Ни рамочки, ни зубчиков над ней,
Ни этих мощно дышащих китов,
Ни этих вольно скачущих коней.

Не слышно на деревьях райских птах,
И не гуляют розовые львы, –
Лишь зайцы ходят в шляпах и плащах
По улицам республики Увы.

Лишь, оседлав свинью или козла,
Гарцуют всадники без головы –
Свидетели неведомого зла –
По улицам республики Увы.

Лишь во дворце харит и аонид,
За хвост подвешенная к потолку,
Селедка крутобедрая висит
И каждый час кричит свое ку-ку».

Он сплюнул и сказал: «Я все сказал.
Отдай же брату младшему альбом!»
И вдаль побрел, и вскоре точкой стал,
Исчезнувшей на фоне голубом.

Сгустилась постепенно синева
И проступили звезды над тропой, –

Когда с холма спустились три волхва,
И каждый вел верблюда за собой.

Подвиг умеренности

– О юноша, не запружай реки! –
Вскричал Хирон, с размаху осадив
Свой лошадиный круп над самой кручей. –
Ты свергнешь с высоты поток могучий
В долину; но бурлящих вод разлив
С навозом вместе и конюшни смоем.
Так стоит ли мутить волну?

– Не стоит, –

Обдумав речь кентавра, наконец
Ответствовал герой. – Но как мне быть?
– Подумай! – посоветовал мудрец
Миролюбивый.

И тогда немножко
Подумал Геркулес и, чайной ложкой
Вооружась, в избытке дивных сил,
Вздыхнул – и приступил...

Строфы о Тантале

Взаправду это или мерещится? –
Стоит Тантал в потоке струящемся:
От жажды лютой ссохлись губы,
Близко питье, но питье отравно.

Стоит Тантал по шею в Москва-реке,
По шею в Волге стоит и в Ладоге:
О, до чего красивы эти
Радуги нефти – да пить охота.

Охота есть, и есть изобилие
Плодов земли на ветках склонившихся:
Пируй, Тантал, чего боишься? –
Рядом – еда, но еда отравна.

А что ты думал? что незамеченно
Пройдет – кормить богов человечиной?
Что можно обмануть любую
Правду – небесную и земную?

Но есть такие жены – Эринии,
И месть всегда за злом воспоследует.
Терпи, Тантал, терпи и думай –
Ведь у тебя в запасе вечность.

Тень

*'Tis like me now, but I dead, 'twill be more
When we are shadows both, than 'twas before.*

John Donne

Поэзия – театр теней,
Двумерный, эфемерный мир.
Ты ищешь жизнь полней, сочней? –
Иди в бордель, иди в трактир.

Там щупай круглую хурму,
Целуй наполненный стакан,
А здесь нет дела никому,
Ты бледен в гневе иль румян.

Умей отсечь, как тлен и гниль,
Куски бесформенного Я:
Они – не больше ты, чем пыль
Волосая от бритья.

В час поражения лекарей
Не верь, что все идет к концу,
Но в профиль повернись скорей
И розу поднеси к лицу.

Пусть век запомнит этот лик,
Предсмертный губ твоих изгиб.
И знай, поэт, что в этот миг
Родился ты, а не погиб.

Скамья в Тригорском (1990–1994)

«Все то, что мы выдыхаем в холодный день...»

Все то, что мы выдыхаем в холодный день:
комочки снов, туманные струйки обид,
и те пузыри, которыми дышит земля,

и дым из труб, и пар незастывшей реки,
и облако над лоханью, в которой отмыть
упорно стараются черного кобеля,

и серый дым, и пар нефтяной реки,
и наши вздохи, и утренние зевки,
и все боязливо-беспомощные слова –

уходят вверх – и пройдя через семь небес
и семь золотых завес – мировых кулис –
преображаются в звезды и сыплются вниз –

гляди – каким мерцающим кружевом лент,
алмазными искрами крестиков и колец –

как будто ангелов цех потрудился тут.

Так небеса нас учат писать стихи,
так нас посещает вечность, пока снега
летят, не касаясь черной, жадной земли.

«Я буду помнить тебя и в марсианском плену...»

Я буду помнить тебя и в марсианском плену –
в колоннах каналорабочих, в колодцах шахт,
угрюмо глядя сквозь красную пелену
и смесью горючих подземных газов дыша.

Я буду помнить тебя и в марсианском плену,
вращая динамо-машину, дающую ток
какому-то Межгалактическому Мега-Уму,
пульсирующему, как огромный хищный цветок.

На грустной земле и в марсианском раю,
где больше мы не должны ничего никому,
закрою глаза, уткнусь в ладошку твою –
и этого хватит на всю грядущую тьму.

Новый заезд

Вокруг – совсем другой парад планет,
сменился даже фон привычных звуков;
уехал мой сосед – счастливый дед
своих заокеанских внуков.

Умолк за стенкою семейный спор, –
даст Бог, доспорят у себя в Свердловске!
И лишь хранит еловый гулкий бор
ауканий ребячьих отголоски.

Ребята поскучают – что за грех? –
в заезде новом сыщутся друзья им;
а мы – уже раскушенный орех
и любопытства в них не вызываем.

В столовой, в парке – столько новых лиц
с незримою преградой во взгляде,
как будто пристани чужих столиц
придвинули гремящий дебаркадер

И нужно влиться в новые стада
на площадях Стамбула и Харбина...
Куда, зачем мне уезжать, когда
вокруг меня растет чужбина?

Тотнесская крепость

*What makes Totnes Castle special
is the fact that it never saw battle.*

A. Guide

Путеводитель говорит: «Она
ни разу не была осаждена
и потому прекрасно сохранилась».
Брожу вокруг семивековых стен,
случайный созерцатель мирных сцен,
и вижу: тут ничто не изменилось.

Лишь время явно одряхлело. Встарь
оно любую крепость, как сухарь,
могло разгрызть и развалить на части.
Зато окреп Национальный Траст:
костями ляжет он, но не отдаст
ни камня, ни зубца – зубастой пасти.

Рябина у стены, как кровь, красна:
Не спячка в городе, но тишина;
над елкою английская ворона
кружит. Что проворонил я, кума?
Венец, воздетый на главу холма, –
шутейная корона из картона.

Мужчина, не бывавший на войне,
и крепость, не пылавшая в огне,
напрасно тщатся выглядеть сурово.
Хотя у старой крепости пока
есть шанс; а у смешного старика
нет никакого.

Песня о несчастной королеве Анне Болейн и ее верном рыцаре Томасе Уайете

Милый Уайет, так бывает:
Леди голову теряет,
Рыцарь – шелковый платок.
Мчится времени поток.

А какие видны зори
С башни Генриха в Виндзоре!
Ястреб на забрало сел,
Белую голубку съел.

«Они-сва кималь-и-пансы...»
Государь поет романсы
Собственного сочине...
Посвящает их жене.

Он поет и пьет из кубка:
«Поцелуй меня, голубка».
И тринадцать красных рож
С государем тянут то ж:

«Они-сва кималь-и-пансы...» –

И танцуют контрадансы
Под волыночный мотив,
Дам румяных подхватив.

А другие англичане
Варят пиво в толстом чане
И вздыхают говоря:
«Ведьма сглазила царя».

В темноте не дремлет стража,
Время тянется, как пряжа,
Но под утро, может быть,
Тоньше делается нить.

Взмыть бы, высоко, красиво,
Поглядеть на гладь Пролива! –
Гребни белые зыбей –
Словно перья голубей.

Улетай же, сокол пленный! –
Мальчик твой мертворожденный
По родительской груди
Уж соскучился, поди...

Подражание В. Набокову

*Reflected words can only shiver
Like elongated lights that twist
In the black mirror of a river
Between the city and the mist.*

Vladimir Nabokov

I

Что называют переводом?
Песнь кукушачьего птенца;
Лжеца полет перед народом
На бороде у мертвеца;
Крик попугая, визг мартышки,
Рассудка мелкие интрижки
И профанацию святынь,
Когда вульгарную латынь
Зовут псалмом царя Давида.
О ты, клекочущий орел!
Заткнись, тебя я перевел.
Иль пошуми еще для вида,
Набоков, двойственный, как герб,
Подсчитывая свой ущерб.

II

Нет зыбче отраженья слова;
Так дергаются огоньки
На фоне озера ночного,
На черном зеркале реки.
Набоков, мудрый мой писатель,
Взгляни: вот честный твой предатель
Перед тобой, главу склонив,
Покорный, как инфинитив,
Стоит, готовый ко спряженью
Всего со всем – лишь подмигни! –
Он будет жить в твоей тени
Услужливой, безвольной тенью.
Но страшно, если тень рукой
Внезапно шевельнет – другой!

Строки, написанные в Фолджеровской библиотеке в Вашингтоне

*Летиции Йендл, хранительнице рукописей
Фолджеровской Шекспировской библиотеки*

Зима. Что делать нам зимою в Вашингтоне?
Спросонья не поняв, чей голос в телефоне,
Бубню: что нового? Как там оно вообще?
Тепло ль? И можно ли в гарольдовом плаще
Гулять по улицам – иль, напрягая веки,
Опять у Фолджера сидеть в библиотеке...
Врубившись наконец, клянусь, что очень рад,
Что «я смотрю вперед услышать ваш доклад»,
Роняю телефон – и, от одра воспрянув,
Бреду решать вопрос: какой из трех стаканов
Почище – и, сочку холодного хлебнув,
Вдыхаю глубоко и выдыхаю: Уфф!

Гляжуся в зеркало. Ну что – сойдет, пожалуй.
Фрукт ничего себе, хотя и залежалый.
Немного бледноват, но бледность не порок
(А лишь порока знак). Ступаю за порог.

Феноменально – снег!

Ого, а это что там,
Не баба ль белая видна за поворотом?
Хоть слеплена она неопытной рукой
И нету русской в ней округлости такой,

Что хочется погла... замнем на полуслове,
Тут феминистки злы и вечно жаждут крови!
А все же – зимний путь, и шанс, и день-шутник...
Сгинь, бес. Толкаю дверь, и вот я в царстве книг.

Перелагатель слов, сиречь душеприказчик
Поэтов бешеных, давно сыгравших в ящик,
Держу в руке письмо, где мой любимый Джон –
Уже в узилище, еще молодожен –
У тестя милости взыскует... А не надо
Крутить любовь тайком, жениться без доклада!
Кто десять лет назад, резвясь, писал в конце
Элегии «Духи» о бдительном отце:
«В гробу его видал»? Не плюй, дружок, в колодец,
Влюбленный человек – почти канатоходец,
Пока его несет во власти лунных чар,
Он в безопасности; очнуться – вот кошмар.

Хранительница тайн косится умиленно
На то, как я гляжу на подпись Джона Донна,
Смиренно в уголок задвинутую: – Вот!
Постой теперь в углу! – Но страх меня берет,
Когда я на просвет след водяного знака

Ищу, как врач кисту, и чую, как из мрака
Скелет, или верней, тот прах, что в день суда
Вновь слепится в скелет, сейчас ко мне сюда
Зловеще тянется, чтоб вора-святотатца
До смерти напугать – и всласть расхохотаться!

Скорей в читальный зал. Едва ль Монарх Ума
Прилюдно станет мстить. Ученые тома
Берут меня в полон и с важностью друг другу,
Как чашу на пиру, передают по кругу.
Я выпит наконец. Пора пустой объем
Заполнить сызнова веселия вином!
Не зван ли я к Илье? Вахтера убаюкав
Заученным «бай-бай» и письмецо от Бруков
Из дырки выудив, ступаю на крыльцо.
Пыль снежная летит, и ветер мне в лицо,
Но бури Севера не страшны русской Деве.
Особенно когда она живет в Женеве.

Уолтер Рэли в темнице

Был молодым я тоже,
Помню, как пол стыдливый
Чуял и сквозь одежду:
Это – бычок бодливый.

С бешеным кто поспорит?
Знали задиры: если
Сунешься, враз пропорет –
И на рожон не лезли.

Марсу – везде дорога,
Но и досель тоскую
О галеоне, рогом
Рвущем плеву морскую.

В волнах шатался Жребий,
Скорым грозя возмездьем,
Мачта бодала в небе
Девственные созвездья.

Время мой шип сточило,
Крысы мой хлеб изгрызли,
Но с неумной силой
В голову лезут мысли.

В ярости пыхну трубкой
И за перо хватаюсь:
Этой тростинкой хрупкой
С вечностью я бодаюсь.

Жизнь открывается снова

Жизнь открывается снова на тыща пятьсот
девяносто третьем годе.

Сэр Уолтер Роли
пишет из Тауэра отчаянное письмо
«От Океана к Цинтии». С воли
доходят верные слухи, что сэру секир башка,
какие бы он не примеривал роли
– от пастушка
до Леандра, потерявшего берег из виду.

В то же время,

но в другом заведении,

Томасу Киду

очень и очень не советуют

выгораживать своего дружка.

И косясь на железки, испуганный драмодел
закладывает другого, а именно Кристофора
Марло (тоже драмодела), который
не столько сам по себе

интересует секретный отдел,

сколько то, что имеет он показать
об атеизме сказанного Уолтера Роли
и его гнусном влиянии на умы.

Той порой Марло прячется от чумы
в доме Томаса Вальсингама (вот именно!)

в Кенте.

Сон, записанный на обороте Перевода из У.Б. Йейтса

Снится мне:

 лезу я к Ейцу в гнездо,
Ейцовы яйца

 хочу своровати,
Черной букашкой
 на скальном раскате

Лезу,
 стремясь докарабкаться до
Башни –
 уступа –
 расселины –

 где
Ейц баснословный
 крылом помавает,
В небо взмывает

 и в тучах ширяет,
Яйца беспечно
 оставя в гнезде.

– Накося-выкуси! –
 яростным ртом

Кличет, клекочет он:

 – Накося-выкуси! –
И канарейка

икает на фикусе,
И соловей
на суку золотом.

.....

Жутко мне, ох!
окаянному лезть,
Пепел на голову
сыплет скала мне,
Щебни и кремни
и крупные камни.
Что же, безмозглый,
я делаю здесь?
Кто же я —
выродок или урод,
Змей или гад,
ввинтовую ползущий?
Или кукушка я
наоборот —
Чадолюбивая —
иль, того пуше,
Тот бедолага,
кого серафим
На перепутии
утром не встретил?
Разве же яйца
мне высидеть эти
Теплым,
усидчивым задом своим?

.....

Снится мне:

фалды кругом подоткнув,

Я на корзине

сизу по-турецки...

Клюнуло!

О, этот остренький клюв!

Вот наконец-таки

вывелись ейцки!

Песня межевого камня

I

Начинается песнь межевого камня.
Начинати же песню сию от Кадма.
На меже лежит камень, тяжел, как карма.

На меже лежит камень, на неудобье,
Между двух полей лежит, наподобье
Переводчика – или его надгробья.

На меже лежит камень, символ союза
Каннибала и Робинзона Крузо.
Слева рожь растет, справа кукуруза.

На меже лежит камень, на нем – коряво –
Буквы: влево поедешь, приедешь вправо.
Не читая, промчалась опять орава.

На меже лежит камень. Не вежа и не
Башня. Может, мираж в пустыне.
Слева косточки белые, справа – дыни.

Слева поле жатвы, а справа – битвы.

Скачет князь Кончак чрез межу с ловитвы.
На меже дрожит камень, твердя молитвы.

Слева жарко, а справа – роса замерзла.
На меже лежит камень. Уж в поле поздно.
И луна над сараями сушит весла.

Под лежащим камнем немного сыро.
Уронила ворона кусочек сыра.
Если все, кому дорого дело мира...

II

Переводчик мирен. Уж так он скроен.
Между двух полей, ни в одном не воин.
Оттого-то и зад у него раздвоен.

С виду он неподвижнее баобаба,
В землю, как половицкая врос он баба.
Но внутри он – камень с небес. Кааба.

Между миром верхним и миром нижним
Он сидит на меже, непонятен ближним,
Занимаясь делом своим булыжным.

Улетай, ворона! Тут ничего нет

Для тебя; как не каркай, он не уронит
Ни песчинки – и цели не проворонит.

Утекай, вода! В дребадан столетий
Утекай ты, пьянь, что достойна плети,
От него не дождешься ты междометий.

Ибо ты, как время, заходишь с тыла,
В тот момент, когда жизнь валуну постыла,
И копытом подкованным бьешь, кобыла!

Ну и что – отколола ли ты полкрошки?
Посмотри, что с копытом? не больно ножке?
Ах, ведь ты и ударила понарошке!

Ускакала кобыла, и ворон в поле
Улетел. Начнем помаленьку, что ли?
До свидания – всем, кто не знает роли.

...Тихо в поле. В глазницах кремневых сухо.
Зачинается песнь от Святого Духа.
Это камень поет – приложите ухо.

Привязка к местности

*Shoot from the left eye of the death's head.
E.A. Poe, "The Golden Bug"*

Так где же он, омфалос, пуп Земли?

Геодезист фуражкой вытер пот,
за ним прихрамывая шла тренога,
как лошадь в поводу, а впереди
легавая бежала, то и дело
на месте застывая и в пыли
ища знакомый след – вот он свернул
(скала епископа и чертов стул)
в проход между глухими гаражами,
а там тупик и стенка высока
на кирпиче эмблема «Спартака»
и череп со скрещенными костями
(стреляй из глаза мертвой головы!),
шальная электричка из Москвы
в два пальца просвистит...

*отмерь шагами
на запад восемьсот
и сто на юг*

Здесь дом стоял.

Тропинка шла вокруг
Веранды. Двор заросший, как ковром,
Гусиною лапчаткой. За окном
Крапива и расшатанный забор,

За ним на турнике сосед Егор
Подтягивался раз до сорока
И, спрыгнув, говорил: «Броня крепка!»
Мяч улетал туда, и мы его
Искали среди картофельной ботвы.
А по ночам с дивана моего
(Стреляй из глаза мертвой головы!)
В квадрате форточке я видеть мог
Меж веток звездочку одну.

Волхвы

Ее бы не заметили. Тусклей
Старушечьей слезы, она была,
Как крошка с королевского стола,
Ничтожной, – но она была моей.
(Увы! Как мне узнать ее теперь
Без рамочки прицельной?)

Дом снесен.

И не войти мне дважды в ту же дверь.
Один на берегу реки времен
Стою – смотрю вокруг – и не могу
Найти ни кленов тех, ни липы той,
Что я облазил в детстве.

Где росла

Вот эта вишня: около крыльца

Иль дальше, у сарая?

Хоть какую

Найти зацепку, привязаться к ней –

И я бы мог определить то место,

Где мой диван стоял. Не из него ли,

Из этого дивана, я украл

Все строчки до одной? —

«Милее нет

Той стороны, где резали пупок».

Каков же плод науки долгих лет

И в чем же, так сказать, ее урок?

Что, наконец, подсмотрят очи зорки

На высоте всех опытов? Увы! —

Засни в Перловке и проснись в Нью-Йорке.

Стреляй из глаза мертвой головы!

Незадача с одним неизвестным

Неизвестный икс, кривоногий крестик,
В задаче этой один, как пестик,
Ты на минусы-плюсы зриаешь, робок,
И не знаешь, как выбраться из-за скобок.

Ты уравнен со всеми, – но уравненье
Не решается. Кто ты? Перенесенье
Из Лонг-Айленда в Бронкс не спасет, приятель,
Даже – из числителя в знаменатель.

Хорошо, это только подземка. Скомкай
Лист газетный, шуршащий сухой поземкой,
И сойди на станции, ближней к дому,
Глядя в тучу, похожую на гематому.

Пережиток прошлого, недобиток,
Ты устал разворачивать длинный свиток,
Ты взмахнул крылом и взлетел, как Сирин,
На высокий сук. Твой полет надмиррен.

Отдохни, и пусть белокрылый некто
Через форточку носит свои конспекты,
Из рулонов такой Вавилон построив,
Словно тут переклейка грядет обоев.

Не читай этих грамот. Сверни их в трубку
И смотри, смотри на свою голубку
Сквозь двоякие стекла земной неправды.
Наведи на резкость. Оставь на завтра.

Перетрется все. Поговорка в силе
Остается. Но суть не в муке, не в пыли,
А в шлифованной ясности ретровзгляда.
Возвратить на начало, mein Herr? Не надо.

Спи, Спиноза. Не вскрикивай: кто я? кто я?
Или в ванной, над лебедью белой стоя,
Размышляй напряженно, что ты за птица.
Незадача не может не разрешиться.

Дотяни до точки свое начало,
Как натягивают на голову одеяло.
И вверху, перед тем, как упасть на койку,
Три креста поставь, хоть не веришь в тройку.

Бумеранг

Вот я и прощаюсь с этим домом,
С кубом воздуха над жестким ложем,
Лампочки внимательным наклоном
И с балконом этим захламленным,
Формою на бумеранг похожим.
Все в руке, как говорится, Божьей.

Знаешь, Бог рисуется мне вроде
Австралийского аборигена:
Голый и нечесанный, он бродит
По своим безлюдным, диким бушам
И швыряет бумеранги-души,
Улетающие вдаль мгновенно.

Та душа, что врежется с размаху
В чью-то душу теплую, живую, –
Обретет себе добычу праха.
Только та, что с целью разминется,
Замкнутую высвистит кривую
И к пославшему ее вернется –

Чтобы вновь оружие запустил он
С громким воплем, с варварским подпрыгом!
Значит, время расставаться с тылом
Рук разжавшихся, с высоким тыном

Полок; я не верю больше книгам.

Только в тот волшебный край и верю,
Где, по донесенью очевидца,
Бродит Бог, не помня о потере,
Клювоносые пасутся звери
И бескрылые шныряют птицы.

Банька в Михайловском

Пушкин намыливает себе голову,
сидя в кадучке с водой, –
эмблема блаженства.

Профессор выстреливается из пушки
на Луну
(путь паломника – из пушки на Луну) –
эмблема стремления к идеалу.

Спервоначалу
столько волнений:
верно ли нацелена пушка
и хватит ли сил оторваться
или придется снова
плюхнуться в то же
блаженство?

Но вот пройдена точка возврата.
Снаряд начинает падать.

И то, что мы называем Луной,
приближается так угрожающе
быстро, что профессор
отшатывается от окошка,
озаренный синюшным светом

этой Луны...

Луны ли?

Но пройдена точка возврата.

Такой маленький Онегин.

Корова плачет.

Назвался Одиссеем (1995–1997)

Из Джона Донна

Кто новый год кроит на старый лад,
Тот сокращает сам свой век короткий:
Мусолит он в который раз подряд
Все те же замусоленные четки.

Дворец, когда он зодчим завершен,
Стоит, не возносясь мечтой о небе;
Но не таков его хозяин: он
Упорно жаждет свой возвысить жребий.

У тела есть свой полдень и зенит,
За ними следом – тьма; но Гостья тела,
Она же Солнце и Луну затмит,
Не признает подобного предела.

Душа, труждаясь в теле с юных лет,
Все больше алчет от работы тяжелой;
Ни голодом ее морить не след,
Ни молочком грудным кормить, ни кашкой.

Добудь ей взрослой пищи. Испытав
Роль школяра, придворного, солдата,
Подумай: не довольно ли забав,
В страду грешна пустая сил растрата.

Ты устыдился? Отряси же прах
Отчизны; пусть тебя другая драма
На время развлечет. В чужих краях
Не больше толка, но хоть меньше срама.

Чужбина тем, быть может, хороша,
Что вчуже ты глядишь на мир растленный.
Езжай. Куда? – не все ль равно. Душа
Пресытится любовью переменной.

На небесах ее родимый дом,
А тут – изгнание; так угодно Богу,
Чтоб, умудрившись в странствии своем,
Она вернулась к ветхому порогу.

Все, что дано, дано нам неспроста,
Так дорожи им, без надежд на случай,
И знай: нас уменьшает высота,
Как ястреба, взлетевшего за тучи...

Назвался Одиссеем...

(Капитан Немо – Тихону Браге)

Назвался Одиссеем – полезай к Полифему,
Назвался Немо – молчи, таись и скрывайся,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.